

Екатерина Глицин

Всё, что я не сказала

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Глицин

Всё, что я не сказала

«Автор»

2026

Глицин Е.

Всё, что я не сказала / Е. Глицин — «Автор», 2026

В этот сборник рассказов вошли зарисовки, написанные в разные периоды моей жизни. Многие из них основаны на реальных событиях или людях (имена заменены). "Всё, что я не сказала" — антиутопия, открывающая эту книгу. Это мир будущего, в котором поставлены на поток операции по удалению голосовых связок. "Слово — серебро, молчание — золото" — девиз этого общества. Все люди, не сделавшие операцию, считаются "грязными" и "порочными". Это история девушки Кэтти, наивной и влюбленной, ставшей жертвой этой варварской практики.

© Глицин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Всё, что я не сказала	6
Оглавление	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
Всё, что я не сказала	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Всё, что я не сказала

Екатерина Глицин

Всё, что я не сказала

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Екатерина Глицин, 2026

В этот сборник рассказов вошли зарисовки, написанные в разные периоды моей жизни. Многие из них основаны на реальных событиях или людях (имена заменены). «Всё, что я не сказала» — антиутопия, открывающая эту книгу. Это мир будущего, где поставлены на поток операции по удалению голосовых связок. «Слово — серебро, молчание — золото» — девиз этого общества. А все люди, не сделавшие операцию, считаются грязными и порочными...

18+

Оглавление

Всё, что я не сказала	
ПРЕДИСЛОВИЕ	
Всё, что я не сказала	
Без названия	
Мертвые номера	
Спокойной ночи, Шарлотта	
Теория случайных судеб	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мечту издать собственную книгу я хранила в душе ещё с самого юного возраста. С начальной школы. И, если вы сейчас читаете этот текст, значит, моя мечта осуществилась. Естественно, я не рассчитываю сразу на популярность. Я просто хочу делиться своими текстами с миром. В 12—13 лет я сама вдохновлялась книгами Харуки Мураками, Стивена Кинга, Лидии Анискович и Пауло Коэльо, и теперь хочу стать вдохновителем для кого-то ещё. Свой негатив я пытаюсь вылить в творчество. Начинала я с фанфиков на ficbook, потом создала телеграмм-канал, который набрал неплохую аудиторию, а теперь я вышла на финальную ступень — полноценная книга. В этих рассказах оставлено по маленькому кусочку моей души. И ваша заинтересованность в моих работах очень помогает мне творить дальше. Я буду очень рада отзывам на свою первую авторскую книгу. А теперь... Хочу пожелать вам приятного чтения, и правда надеюсь, что мои преобразованные в литературу мысли понравятся вам и, быть может, произведут на вас впечатление.

Всё, что я не сказала

Первое, что почувствовала Кэтти, когда очнулась, — острую боль где-то в области шеи. И ощущение, словно из нее вытащили душу, вывернули её наизнанку и затолкали обратно. Свет больничных ламп слепил ей глаза, поэтому приходилось держать их закрытыми. Сознание всё ещё было мутным после наркоза, и Кэтти приняла решение поспать ещё немного, но сна уже не было ни в одном глазу.

Когда она впервые услышала про эти операции, то сразу подумала: что за бред? За эти же деньги можно увеличить грудь или сделать риноластику. От этого хотя бы будет видимый эффект. А тут — только ровный шов на горле. Впрочем, как объяснил ей хирург, который должен был её оперировать, «изменения тут скорее внутренние, чем внешние».

— Но я же могу просто молчать всю жизнь! Зачем такие меры? — спрашивала Кэтти, пока врач с видом кровавого мясника из фильмов ужасов поворачивал её голову туда-сюда, уже намечая взглядом, где придётся делать разрез.

— Легко сказать — «молчать всю жизнь». Вы явно выглядите как человек, который говорит лишнего, не подумав. Не так ли?

Кэтти замолчала, прикусив губу. Она вспомнила свидание с одним парнем, который ей нравился. Они шли по набережной, болтали о чём-то, и Кэтти поинтересовалась, на кого он учится. «На ветеринара», — ответил тогда тот парень. «Я очень люблю животных... Я рыдал на похоронах своего хомячка»... И ведь Кэтти хотела ответить что-то нормальное, но вместо этого с её чертова языка сорвалось: «Ой, да ничего страшного! Вот мой бывший смеялся на похоронах своей бабушки, потому что она завещала ему гитару, а он не умеет играть... Я на тех же похоронах его и бросила!». Ответом на это стал недоуменный взгляд парня. А потом настороженное «Ты бросила бывшего прямо на поминках его бабушки?». Кэтти тогда снова прикусила губу — она всегда делала это, когда нервничала. Слова вылетали из её рта, как из пулемёта: «Извини, ты не так понял! Тот бывший, ну... Он в целом мудака! И я... Я... В общем, ты молодец, что любишь животных!..»

Это было последнее свидание с тем парнем. После прогулки он попросту перестал ей отвечать. А ведь мог бы получиться хороший летний роман. Если бы Кэтти... *не сказала лишнего.*

— Но как я буду общаться с людьми, если мои голосовые связки удалят полностью? — Кэтти потрогала свою шею в том месте, где только что были холодные руки хирурга.

— О, это можно сделать кучей других способов. Прикосновения, жесты... Масса вариантов! Вот увидите, после этой операции ваша жизнь преобразится! Вы никогда не пожалеете о ней.

— Но смогу ли я сделать обратную операцию, если передумаю?

Хирург посмотрел на нее так, как смотрел бы на самого злейшего врага. Его губы сжались до толщины ниточки.

— Да, обратные операции существуют. Но это сильно ударит по вашему бюджету. И не думаю, что вы захотите вернуться в своё прежнее состояние. Вы сами поймёте, что после нашей операции окружающие станут относиться к вам лучше, а жизнь станет проще!

Кэтти промолчала. Не стала спрашивать, почему же этот чудо-доктор не попросил сделать самому себе такую операцию, если уж она реально настолько меняет жизнь к лучшему. В её голове — воспоминания с семейного застолья. Она не помнила, что они отмечали, но это было и не важно. Кто-то сказал, что Кэтти выглядит сонной, и предложил ей пойти прилечь, на что она выдала громкое «Не нужно, спасибо! Я уже привыкла спать по 4 часа, как робот. Сегодня утром я даже случайно надела трусы наизнанку, швом вперёд!» — и рассмеялась с собственного же рассказа. Только вот её близкие явно шутки не оценили. На неё смотрели осуждающе, а не со смехом. После очень, **ОЧЕНЬ** неловкой и тягучей паузы её дальний родственник всё же сказал: «Я думаю, тебе стоит пойти поспать. Твой организм явно не выдержит ещё одних суток без сна». Это было неозвученное вслух приглашение уйти. Которое Кэтти всё же приняла. Никто не хочет видеть за столом гиперактивную дуру, которая всё никак не закроет свой рот.

Но это всё в прошлом. Лёжа на койке в больнице, Кэтти улыбалась. Она попыталась что-нибудь произнести или напеть, но единственное, что было ей теперь доступно, — бессвязное мычание. Медсестра зашла в палату, чтобы проверить содержимое капельницы, а Кэтти хотела попросить ее принести стакан воды, но снова не получилось ничего кроме неразборчивого «М-м!».

— Вы чего-то хотели? — непонимающе переспросила она. Кажется, эта медсестра устроилась работать в клинику только недавно и ещё не научилась коммуницировать с «очищенными» (так в обществе называли людей, которые удалили себе голосовые связки). Кэтти попыталась показать ей стакан воды жестами, но медсестра лишь посмотрела на нее, как на сумасшедшую, и вышла из палаты. А может, Кэтти правда сумасшедшая? Нет. Наоборот. Раньше она была сумасшедшей, но сейчас её излечили от этого ужасного недуга. Для такой благой цели ей не было жалко никаких денег.

Рената произносит радостное «М-м-м!», когда встречается подругу после выписки из больницы. Она кидается в объятия Кэтти, и этими объятиями говорит «Поздравляю с очищением!». Сама Рената «очистилась» ещё несколько лет назад. Она росла в богатой семье, так что её родителям не составило труда оплатить ей операцию. И именно Рената убедила Кэтти тоже сделать её. Впрочем, тут была не только заслуга Ренаты. Кэтти была влюбчивой девушкой, так что после того парня с хомяками у нее быстро появился новый объект воздыхания. Оскар был старше нее на год, учился на медицинском факультете. Именно в институте они и познакомились. «Вау! Так ты, получается, тоже скоро станешь хирургом, который занимается очищением?» — с восторгом спросила у него Кэтти, когда тот рассказал, что собирается учиться на хирурга. Оскар тогда сильно растерялся. «Ну... Можно и так сказать» — ответил он так, словно ему было противно произносить эти слова.

Ренату, конечно, слегка раздражали постоянные любовные похождения её подруги. Каждый раз с каждым парнем у неё что-то не срасталось, а Ренате приходилось вечерами выслушивать очередные «Ну почему он ушел?! Что я сделала не так?» и всхлипы в телефонную трубку. Когда у Кэтти появился Оскар, Рената и предложила ей «очиститься». Так хотя бы будет меньший шанс, что и этого парня она потеряет. Оскар был идеальным вариантом для

Кэтти: высокий, спокойный, умный и рассудительный... Такого уж точно нельзя упускать из-за своей чрезмерной разговорчивости! Но почему-то когда Кэтти похвасталась Оскару, что будет делать операцию, тот посмотрел на неё таким взглядом, словно умолял её одуматься, поменять своё решение. Но вслух он сказал только «Я очень рад за тебя». «А ты не будешь очищаться?» — с удивлением спросила Кэтти. «Денег нет», — ответил тот и попытался сменить тему. Впрочем, Оскар и так идеален. Даже если он пока ещё «загрязнённый». Оскар был из тех людей, которые действительно умеют «просто молчать» без операций. Он никогда не был сильно разговорчивым. Находясь рядом с Кэтти, он мог молчать часами, просто слушая её болтовню и держа её за руку. А, может, он и не слушал. Может, сцепленные в замок руки привлекали его внимание куда больше, чем глупые рассказы Кэтти.

Но теперь больше никаких глупых рассказов! Вырвавшись из объятий Ренаты, Кэтти достала свой телефон и написала Оскару, что её выписали из больницы. К сожалению, заставить себя молчать ещё и в переписке невозможно. Но Кэтти пообещала себе, что будет как можно меньше пользоваться соцсетями и писать кому-то только в крайнем случае, как, например, сейчас. Оскар ответил довольно быстро. Но его ответом было «Извини, не могу приехать к тебе на выписку. Дела по учёбе». Кэтти издала грустное мычание. А Рената махнула рукой, говоря «Ну и забей ты на него!». Какое-то время подруги стояли молча. Без слов Кэтти не могла выразить то, что хотела. Когда «очищенной» была только Рената, разговаривать всё же было чуть проще. Но сейчас они обе выглядели как немые рыбы, которые могут лишь смотреть друг на друга, глупо хлопая ртом.

Обычно Кэтти приходила домой к Оскару с громким криком «Оскар! Это я, открывай!». И сразу было понятно, что за дверью стоит именно Кэтти. По одной лишь её интонации и звонкому голосу. Но сейчас единственный звук, который она может издать, — это стук костяшками пальцев по двери. Она пришла к Оскару без предупреждения: не хотела лишний раз пользоваться телефоном, чтобы связаться с ним. Да и вообще стоит спрятать телефон где-то дома от греха подальше...

Оскар открывает дверь. Его взгляд сразу падает на шов на шее. «Эй, мои глаза чуть выше!» — хотела бы пошутить Кэтти, но уже не может. Да и не стоило. Глупая шутка. Внутри, там, где когда-то был голос, что-то сжимается под пристальным взглядом Оскара. Он протягивает руку и касается шва. Прямо в том месте, куда раньше он её целовал. Но сейчас он не целует, только ощупывает. И в его глазах видна невыносимая боль и скорбь, словно он только что потерял нечто важное.

— Проходи, — наконец зовёт он, и Кэтти заходит внутрь. Потом кидается обнимать его. Оскар обнимает в ответ, но как-то слабо. Не так, как раньше. Может, этими объятиями он хочет сказать, что больше не любит её? Ну и идиот. Это ведь вся та же Кэтти, только улучшенная версия! Кэтти, которую больше не ненавидят за её болтовню и не выгоняют из компании из-за дурацкой шутки. Но почему он смотрит на неё так печально? Почему обнимает так, словно прикасается вообще к чужой женщине?

— Хочешь чаю? — наконец, спрашивает он. Кэтти беззвучно кивает. И он ведёт её на кухню, заваривает чай с ромашкой, пока Кэтти сидит за столом и просто молчит. Кажется, ни один из них не привык к такой идеальной тишине. Раньше эта кухня всегда была наполнена жизнью, наполнена рассказами Кэтти обо всём, что придёт на ум. Но сейчас — только тишина. Как в гробу.

— Как прошла операция? — спрашивает Оскар. Да что с ним такое? Почему он говорит таким тоном, словно спрашивает это через силу? В любом случае ответить Кэтти не смогла. Только показала большой палец вверх, мол, всё отлично. «Мне даже совсем не было больно!» — хотела добавить она, но не смогла. Показывать такие длинные предложения одними лишь жестами всё ещё было ей не под силу.

— Теперь, когда ты молчишь, ты можешь научиться слушать, — снова заговорил Оскар после долгой паузы. Он поставил перед Кэтти чашку, и та схватила ее так резко, что случайно пролила кипяток себе на запястье. Крик боли застрял где-то внутри. Но Оскар делал вид, что ничего не замечает, просто сел напротив.

— Зачем ты это сделала? — выдал он фразу, за которую можно было и сесть в тюрьму на несколько лет. Все противники операции «очищения» признавались предателями. Кэтти испуганно помотала головой, прося не говорить такие вещи. Но Оскара было не заткнуть. Он говорит — и пользуется правом говорить.

— Я очень любил твой голос. Любил твою болтовню без повода. А теперь...

Он не договорил. Не смог подобрать слов. Всё-таки слова — это привилегия, которой нужно научиться пользоваться. Но Оскар молчал большую часть своей жизни. Они с гипер-активной Кэтти дополняли друг друга. А теперь деталька пазла была сломана. И не глупо ли будет всё ещё пытаться соединить эти две детальки?

Кэтти молча ушла. Она шагала по оживлённым и громким улицам, осознавая, что больше никогда не сможет влиться в ритм этой толпы. Она больше не издаёт звуков. И, словно чтобы напомнить ей об этом, к ней подошёл прохожий мужчина с вопросом «не подскажете, который час?». Часов у Кэтти с собой не было. Она лишь покачала головой и показала жестами, что не может говорить. А внутри, где раньше были голосовые связки, всё сжалось. Они с этим прохожим ничем не отличаются по сути своей, но у него есть привилегия — он может говорить. Так, стоп, Кэтти, о чем ты думаешь? Ты должна радоваться «очищению», но... Почему-то сейчас Кэтти ощутила себя не чистой, а... Стёртой. Словно этот мир вовсе не замечает её. Раньше она могла кричать о себе, но сейчас просто идёт по улицам. К единственному человеку, который поддержал её.

«Вот козёл!» — получила Кэтти сообщение от Ренаты, когда рассказала ей, что случилось дома у Оскара. Через эти сообщения Кэтти чувствовала... Страх Ренаты. Должно быть, она переживает, что её подруга связалась с государственным изменщиком... Как же так? Он ведь учится на хирурга. Им должны были объяснить, насколько важны эти операции для общества. Да что уж там — даже по городу, где шла Кэтти, были расклеены объявления, призывающие «очиститься» «всего лишь за...». Нет, слишком огромная сумма, чтобы это произносить.

Рената встретила её на пороге собственной квартиры с лучезарной улыбкой. Пусть она и не могла говорить, но по её лицу было видно, как рада она была увидеть Кэтти. Она провела гостью в свою комнату, где они сели на кровать и снова молча смотрели друг на друга. Рената не знала, как можно поддержать без слов. Поэтому просто обняла свою подругу, поглаживая её по спине. Она говорила ей: «Забей ты на этого Оскара. Мало ли парней живёт в мире? Ты ведь уже привыкла, что тебя все бросают». Но Кэтти не смогла этого услышать. Она просто

беззвучно рыдала в плечо подруги, пытаясь сказать «Я ведь сделала операцию ради него...». Но Рената тоже не слышала её. Всё, что они могли делать — это обниматься.

Кэтти заходит в бизнес-центр, где она работала. Подходит к охраннице и протягивает ей свой пропуск. Та в ответ кивает: охранница «очистилась» ещё давно. На её шее сиял уже зашивший шрам. Кажется, эти шрамы уже превратились в клеймо: по ним можно было узнать, «чистый» ли человек. В компании, где работала Кэтти, было очень много «грязных». Одна из них, её коллега, встретила её крепкими объятиями, а потом кинула взгляд на шрам на шее. Словно это не просто рубец на коже, а какое-нибудь украшение, на которое все заглядываются.

— Поздравляю с очищением! — воскликнула она. Странно, раз она так радуется очищению своей коллеги, так почему до сих пор сама не сделала операцию? Как-то раз Кэтти говорила с ней об этом. «Нет денег на такое» — коротко отвечала она. Как и Оскар. Но было ясно, что это ложь. Компания, где они работали, была богатой и престижной, поэтому платили очень неплохо. Самой Кэтти деньги доставались практически ни за что. Она работала секретаршей у влиятельного юриста, а ее обязанности заключались в том, чтобы приносить кофе и переносить бумаги из одного кабинета в другой. Кстати, насчёт кофе: её босс каждое утро пьёт латте, так что, видимо, кому-то сейчас предстоит путь до кофейного автомата.

«Сколько ложек сахара добавить?» — написала она на листке и положила этот листок перед юристом, но он даже не обратил внимания. Словно Кэтти больше не существует в принципе.

«Ваш латте» — беззвучно говорила Кэтти, поставив горячий стакан на стол. Босс обернулся на нее — и взгляд снова упал на злосчастный шрам. Видимо, придется делать ещё и лазерное удаление этого шрама... Ведь теперь Кэтти никто не смотрит в глаза — все смотрят чуть ниже, разглядывают её «клеймо». К её удивлению, босс смотрел на шрам с осуждением и отвращением. Кэтти хорошо разглядела это раздражение в его взгляде. А тем же вечером ее ждал очень неприятный сюрприз.

Босс разговаривал с ней на её языке. Он не произнес ни слова, просто протянул ей бумагу об увольнении. В его шершавых руках читалось: «Ты подпишешь договор добровольно. Так будет лучше для всех».

«ПОЧЕМУ? ЧТО Я ДЕЛАЮ НЕ ТАК?»

«ПОЧЕМУ Я НЕ НРАВЛЮСЬ НИКОМУ, КАКОЙ БЫ Я НИ БЫЛА?!»

Чистая, грязная — Кэтти всё равно ненавидели. У нее больше не осталось дорог. Ни к блаженному очищению, ни к липкой грязи, из которой ей удалось вырваться только лёжа на операционном столе. Единственный открытый путь был...

«Где ты сейчас?» — написала Рената, проигнорировав все откровения Кэтти.

«У Оскара».

Рената прочитала это сообщение, но не ответила на него. Вышла из сети ненадолго. Потом снова начала печатать. Кажется, за долгие месяцы безмолвия она разучилась общаться даже в переписке.

«Ты же понимаешь, что он просто пытается повергнуть тебя в ту же грязь, из которой не хочет выбираться сам?»

Два дьявола сидели у Кэтти на плечах. Один — Рената. Чистая, непорочная и заботливая Рената. А второй — Оскар. Который осудил Кэтти за её выбор. Он не произнес ни слова за все те часы, пока Кэтти была у нее. Лишь кивнул в ответ на её написанное на бумажке краткое «Меня уволили. Могу я пожить у тебя?». Хотелось как-то привлечь его внимание. Заставить заговорить с Кэтти, ведь тишина сводила её с ума. Оскар лежал рядом с ней в одних лишь домашних шортах, печатал что-то в телефоне — должно быть, по учебе. Но Кэтти вырвала телефон из его рук и уселась к нему на колени. Он по-прежнему молчал. Это молчание убивало. Было сильнейшим и страшным оружием, которым он протыкал душу Кэтти насквозь. Она начинала сходить с ума от тишины, в которой теперь жила. В глубинах подсознания у Кэтти зародилось желание, чтобы Оскар никогда не делал такую же операцию. И, словно прочитав ее мысли, он снова задал порочный вопрос:

— Зачем ты это сделала?

Этих слов было бы достаточно, чтобы посадить Оскара за решетку. И там ему бы тоже сделали операцию: недавно вышел закон о принудительном удалении голосовых связок всем заключённым. После этого в тюрьме стало тихо. Но ненадолго. В новостях писали, что взбунтовавшиеся против принудительных операций заключённые днями и ночами барабанили по стенам и железным дверям камер, создавая такой шум, что зрители больше не могли это терпеть. Решение нашлось быстро: бунтовавших привязывали к кровати и накачивали транквилизаторами, от которых у них не было больше сил сопротивляться. И тогда в тюрьмах наконец наступил идеальный, стерильный покой. Словно в море.

Кэтти не смогла ответить на вопрос. Она чувствовала, как Оскар отдаляется от нее, пусть и сидел он рядом, прямо под ней. Остался лишь единственный способ убедиться, что всё нормально. Что он всё ещё любит Кэтти. Она прильнула к его губам, а всем телом стала ёрзать до тех пор, пока не почувствовала под собой его ответное желание. «Прости» — говорила она своими поцелуями, потом стала снимать с себя рубашку, обнажая красивый кружевной лифчик.

Кэтти помнила их первую близость. Она происходила на этой же самой кровати. Только тогда ведущим был Оскар. Он раздевал её, ласкал её тело руками и губами, а она не затыкалась ни на минуту. «Да, да, продолжай! Я люблю тебя!» — и прочие бессвязные фразы. Оскар целовал её в шею — туда, где сейчас красовалась метка «очищенной», а потом наклонялся к её уху, прося: «Не замолкай ни на минуту. Прошу тебя». И она не замолкала. Громкий крик вырывался из её горла, когда она достигала оргазма. Но сейчас она не могла кричать. Только мычать. Она стала уже забывать, как звучал её голос. Явно он был искренним и живым, в отличие от этих мычаний. Честно говоря, удовольствия она не получала совсем. Как и Оскар. Он с презрением смотрел на её шрам, но больше не целовал ее в это место. В конце концов, он вышел из неё и просто лёг на кровать. Словно Кэтти не было рядом. Быть может, её и правда здесь не было? Настоящая Кэтти осталась там, на больничной койке, где в последний раз был слышен её голос. Кажется, он был звонким и мелодичным. Но Кэтти уже не помнила этого.

— Ты — не та Кэтти, которую я полюбил. — объяснил Оскар. Потом помолчал и встретился с полным ужасом взглядом Кэтти. — Но это не значит, что я тебя бросаю.

Кэтти училась на заочном обучении. Всё, что ей нужно было делать — приходиться два раза в год, чтобы сдать экзамены. В один из таких дней она и познакомилась с Оскаром. Тогда у неё был устный экзамен, которые сейчас отменили из-за слишком большого количества «очищенных» среди студентов. Даже на входе в институт висел мотивационный лозунг: «Слово — серебро, молчание — золото». Но в той аудитории, где она была сейчас, шеи у всех оставались нетронутыми. Из очищенных здесь были только она и Рената.

Если пройти чуть дальше по коридору — будет место первой встречи Оскара и Кэтти. Тогда она споткнулась об собственный шнурок и упала, а он протянул ей руку. «Ты как, цела?» — спросил он. В то время Кэтти ещё умела говорить. Она выпалила громкое «Извините! Ой, то есть... Спасибо большое!». Эту фразу она помнила очень хорошо. Ведь с неё и началось их знакомство. Появилось непреодолимое желание снова пойти в то место. Снова крикнуть в пустоту это неуместное «извините!». Кэтти подняла руку, что означало желание выйти в туалет. Преподавательница кивнула ей и жестом попросила оставить листки с заданиями и ответами на столе. Почему-то с Кэтти все обращались так, словно она была не только немой, но ещё и глухой. Нет, нет, она больше не может выносить эту тишину! Хотелось, как заключённые в тюрьме, начать бить по стенам, разбивая в кровь костяшки, лишь бы услышать хоть что-нибудь. Кинуться на пол и стучать об него ногами. Разбить стекло в окне. Но она просто выходит попить воды. А за ней выходит Рената. Молча протягивает листок с правильными ответами на экзамен. Ещё пару месяцев назад Кэтти воскликнула бы: «Ого! Откуда у тебя это?!». Но сейчас она даже не улыбнулась. Молча взяла листок, скомкала и засунула в карман юбки. Этот экзамен она сдаст. А вот экзамен по теме «моя сломанная жизнь» — уже вряд ли.

Последнее время они не занимались сексом с Оскаром. Он не хотел, а она не настаивала. Но что же тогда вообще осталось от их отношений? Разговаривать, как раньше, они не могли. Их совместная жизнь превратилась в совместное существование. В глазах Оскара застыл немой вопрос: «Зачем ты это сделала?». А в глазах Кэтти такой же немой ответ: «Я не знаю».

Действительно, зачем? Она хотела, чтобы её полюбили. Чтобы перестали выгонять с позором и осуждающе слушать её громкие рассказы ни о чем. Но этого не произошло. С работы её выгнали, родственники ей не звонили, — зачем звонить человеку, который не сможет ничего ответить? — а её любящий Оскар стал стремительно отдаляться от неё. Даже Рената почти перестала писать — а ведь именно по её наставлению Кэтти и решилась на операцию! Она скупала по своему голосу. Чувствовала, что у неё отобрали что-то важное. Вместе с правом говорить она потеряла и право быть собой, жить как Кэтти, а не как её безмолвный двойник. Хотелось поговорить с Оскаром. Но такой возможности больше не было. Писать записки казалось для Кэтти опасным: если кто-то найдет ее записи, их обоих отправят в безмолвную тюрьму, где уже не будет никакого шанса на спасение. Даже личный дневник Кэтти перестала вести. Это была совершенно не её жизнь. Кэтти больше нет. А Оскар делит одну квартиру с её бездушным ходячим трупом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.